

П. В. Лукин, С. В. Полехов

ЛАТИНСКОЕ ПОСЛАНИЕ О НОВГОРОДСКО- ГАНЗЕЙСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1292 г.¹

Статья посвящена ганзейскому посланию конца XIII в., написанному на латинском языке. До настоящего времени оно остается изученным лишь частично, хотя содержит ценнейшую информацию как по отношениям Новгорода с Ганзой, так и по внутренней истории Новгорода. Рассматриваются следующие вопросы: датировка текста, вызвавшая дискуссию в 1990-е гг.; понятие, используемое в документе для обозначения новгородского «политического народа» (свободных полноправных горожан); упоминание смердов в послании; имена нескольких членов из окружения новгородского князя, три из которых, по-видимому, имеют литовское происхождение. В приложении публикуются тексты послания 1292 г. и верительной грамоты 1291 г., очевидно, имеющей отношение к тем же переговорам, а также их переводы с латинского на русский.

Ключевые слова: Новгород, Ганза, средневековые грамоты, Великое княжество Литовское

Письмо посланников ганзейских городов из Дерпта, фактически адресованное властям Любека, о переговорах, проведенных в Новгороде с его жителями и князем, написанное по-латыни на пергамене, к которому некогда были привешены три печати, до Второй мировой войны хранилось в Городской библиотеке Любека (Ms. hist. 2° 102,1; Verzeichnis. S. 80). Его нынешнее местонахождение неизвестно. В XIX в. оно трижды публиковалось по подлиннику и спискам с него, сделанным любекскими историками Ф. Г. Граутоффом и В. Мантельсом, и несколько раз перепечатывалось из этих изданий. Поскольку часть слов была написана

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-09-0065. Авторы выражают признательность Б. Луков за помощь в поисках в Городской библиотеке Любека, Е. Р. Сквайрс — за консультацию по истории Любекского городского архива, а Й. Друнгиласу и В. Гарляускасу — за помощь в работе с источниками по литовской ономастике.

с сокращениями, а чтение незнакомых личных имен представляет известные трудности, то в этих публикациях имеются расхождения, на первый взгляд незначительные, но порой важные для понимания смысла текста.

Послание датировано VII календами апреля без указания года. Согласно изданию 1871 г., его письмо было характерно для времени до 1300 г. (LübUB. Th. III. S. 41. Anm. 1). Поскольку известна верительная грамота готландского купечества послам городов Любека, Висбю и Риги для переговоров с Новгородом от 1 сентября 1291 г., Ф.Г. фон Бунге в своем издании впервые датировал послание 26 марта 1292 г. (LECUB. Bd. I. № 542. Sp. 676; Reg. S. 161, где ошибочно указан номер регеста этой грамоты — 617 вместо 620). Эта датировка была принята в последующих изданиях и историографии.

Послание неоднократно упоминалось в историографии. Специальную статью переговорам 1292 г. посвятил И.Э. Клейненберг (Клейненберг 1976, там же см. более раннюю литературу). Эту небольшую статью можно признать лучшей работой, написанной по данной теме. Историк по достоинству оценил значение источника, весьма качественно перевел некоторые его фрагменты, опроверг ряд откровенно ошибочных и основанных на непонимании латинского текста толкований предшествующей историографии, предложил свои интерпретации отдельных его сюжетов (не со всеми из них, впрочем, можно согласиться). В другой, более ранней статье И.Э. Клейненберг анализировал упоминаемый в послании топоним *Gerceke* или *Cerceke*, не придя, однако, к определенным выводам (по мнению ученого, в одних случаях это могло быть Рюриково Городище, в других — Ярославово дворище) (Клейненберг 1972. С. 123–125). Полный перевод послания выполнил Г.М. Дашевский (Бассальяго 2008. С. 65–67), однако он был основан на публикации в LECUB, где оно, в свою очередь, было перепечатано из первого издания. В частности, поэтому, несмотря на его в целом высокое качество и ряд очень удачных решений, там имеются определенные неточности. Другие неточности связаны с недостаточным знанием новгородских и, шире, древнерусских реалий (ср. анахроничное «новгородские граждане» вместо «горожане», явно ошибочное «Церковь» вместо «Герцек», «ко всем немецким братьям благоволю» вместо «на этом кланяюсь...» и др.) и недостаточным учетом особенностей средневековой латыни: например, обычного в Средние века значения слова *fides* — клятва (*Mediae latinitatis lexi-*

con minus 1976. P. 425). Иногда, наоборот, довольно искусственно вводятся древнерусские понятия там, где они как минимум сомнительны (баяре, правая грамота) (Бассальго 2008. С. 65–67). В 2018 г. П.В. Лукиным при помощи С.В. Полехова были подготовлены новейшее издание и перевод источника, целью которых было дать более корректную его интерпретацию. Также по последнему изданию по рукописи в НУБ был уточнен ряд чтений (НУБ. Bd. I. № 1093. S. 377–379; Лукин 2018. С. 539–544). На основании указанной публикации авторами был написан предварительный вариант этой работы (Лукин, Полехов 2018. С. 189–195), однако в нем не была в полном объеме учтена и разобрана историография вопроса и по необходимости сокращены некоторые детали. Кроме того, оказалось необходимым учесть еще одно издание источника, выполненное по подлиннику и сообщающее ряд подробностей о его внешнем виде, — в составе сборника любекских документов (LübUB. Th. III. № 44. S. 41–44)². Отдельные погрешности в передаче текста и в переводе были с тех пор обнаружены его автором (П.В. Лукиным); важные поправки и замечания к переводу были сделаны П.В. Петрухиным, за что авторы выражают ему глубокую благодарность. Все это обусловило необходимость публикации как расширенного и переработанного варианта статьи, так и нового, с учетом всех замечаний и исправлений, издания самого текста и перевода. В приложениях наряду с самим посланием публикуется также текст и перевод верительной грамоты 1 сентября 1291 г., которую авторы — вслед за Ф.Г. фон Бунге и К. Хельбаумом — считают важнейшим аргументом в пользу ставшей традиционной датировки отчета послов — 26 марта 1292 г.³

1. Датировка послания

Послание представляет собой отчет представителей ганзейских городов об их миссии в Новгород. Причиной миссии были споры

² Так, в этом издании отмечены концы первых двух строк послания, каждая из которых занимает примерно три с половиной печатных строки. Поскольку весь текст послания занимает 80 печатных строк, можно заключить, что в подлиннике текст занимал примерно 23 строки.

³ Помимо своего содержания, эта грамота, до 1945 г. хранившаяся в Любекском городском архиве, а ныне хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов в Москве, интересна своей прекрасно сохранившейся печатью, которая служит одним из важнейших источников по таким аспектам ранней истории Ганзы, как символика и самосознание немецких купцов на Готланде (Rörig 1940; Friedland 1988; Elmers 2005; там же указана предшествующая литература).

вокруг некоего имущества, в захвате которого немцы обвиняли русскую сторону.

Спорным вопросом является датировка послания. В 1992 г. С.К. Роуэлл оспорил утвердившуюся еще в XIX в. датировку его 1292 г., которая, как он утверждал, базировалась на ошибочной, в свою очередь, датировке смерти Довмонта тем же годом. Сам С.К. Роуэлл датирует послание 1271 г., а события, о которых в нем идет речь, — 1270 г. Этому времени лучше, по его мнению, соответствует историческая обстановка. Данные послания и ситуация с грабежами немецких купцов за 1292 г. не соответствуют друг другу. Упомянутый в послании великий князь (*magnus rex*) находился в плохих отношениях с новгородцами, а представлял его некий Андрей, *suas vices haben[s]*, т.е., по мысли С.К. Роуэлла, княжеский наместник в Новгороде. Князем и наместником были соответственно Ярослав Ярославич и Андрей Воротиславич, как утверждает исследователь, — единственный известный наместник-боярин в Новгороде. Другие упомянутые в послании лица также обнаруживаются в 1270–1271 гг.: Семен — это Семен Михайлович, позднее ставший посадником, но в эти годы им не являвшийся, почему он и назван в источнике «старостой» (*oldermannus*); Вescеле мог быть «сыном великого князя» Василием Ярославичем; Константин — вероятно, зять Александра Невского Константин Ростиславич; Суреле — это Кирилл, у которого, согласно грамоте № 3 из издания «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», Ярослав Ярославич в 1270 г. «отымь ... Хотуниче» (ГВНП. № 3. С. 18). Другие исторические обстоятельства, связанные с положением в Новгороде немецких купцов, также хорошо подходят ситуации 1270–1271 гг. (Rowell 1992. P. 13–16). Конструкция С.К. Роуэлла, на первый взгляд, представляется убедительной, она нашла некоторый отклик в литературе (Дубонис 2014. С. 71, примеч. 81), но более внимательная оценка его аргументов показывает их сомнительность, а в ряде случаев — очевидную неубедительность.

Отождествление имен с персонажами, упомянутыми в источниках, произвольно. О Довмонте будет сказано ниже, а что касается всех остальных, то, во-первых, такие имена, как Андрей, Семен, Кирилл, Василий, ни в коей мере не являются редкими, во-вторых, отождествление их предполагаемых носителей с известными историческими персонажами осуществляется с откровенными натяжками и требует гипотез о существенном искажении

этих имен в источнике. Остановимся на каждом из предполагаемых отождествлений по отдельности.

«Господин Андрей», представлявший князя, не назван в послании новгородским наместником. Он имеет *vices* князя. Это место можно понимать двояко: либо Андрей занимает (временно?) пост великого князя (и в таком случае, с некоторой натяжкой можно считать, что так характеризуются его полномочия в качестве наместника), либо он выполняет задание, поручение великого князя. Тогда — и это, более общее, понимание представляется нам экономнее — Андрей мог быть, например, княжеским тысяцким или другим приближенным к князю знатным должностным лицом. У Ярослава Ярославича действительно был боярин по имени Андрей — Андрей Воротиславич, и он представлял князя в Новгороде, на что справедливо обратил внимание С.К. Роуэлл (Rowell 1992. Р. 14; ПСРЛ. Т. 3. С. 88, 89), но наместником он стал после отъезда Ярослава сначала во Владимир, а потом в Орду. Князь покинул Новгород «на зиму» 6778 г., т.е. в конце 1270 — начале 1271 г. (Бережков. С. 273), и, если принять датировку С.К. Роуэлла, на переговоры с ганзейскими послами остается очень мало времени. Также непонятно, почему отчет о посольстве был написан лишь в марте 1271 г., хотя миссия должна была завершиться за несколько месяцев до того.

Остальные отождествления представляются уже совершенно искусственными. Даже если допустить, что «Весцеле» и «Суреле» — это искаженные «Василий» и «Кирилл» (в результате чего получились, впрочем, «балтоподобные» имена, представляющие собой логичное дополнение к безусловно литовскому Довмонту), их привязка к конкретным носителям этих имен неубедительна. Непонятно, сыном какого именно «великого князя» («the Grand Duke's son») считает С.К. Роуэлл Весцеле. По смыслу получается, что Ярослава Ярославича. Однако у него не было сына Василия (Экземплярский 1891. С. 454; de Baumgarten 1927. Р. 46, Table VIII; Донской 2008. С. 698). Реальный Василий Ярославич, претендовавший после смерти Ярослава Ярославича, как отмечает С.К. Роуэлл, на новгородский стол (Rowell 1992. Р. 15, footnote 64), был сыном другого владимирского великого князя, Ярослава Всеволодича и родным братом Ярослава Ярославича, с которым он вел ожесточенную борьбу за Новгород (ПСРЛ. Т. 3. С. 88–89). Более того, под тем же 1270 г. в НПЛ рассказывается, что Василий Ярославич ездил в Орду, где заявил хану Менгу-Тимуру: «новгородци прави,

а Ярославъ виновать» (ПСРЛ. Т. 3. С. 89). Таким образом, пребывание Василия в это время на Северо-Западе Руси в качестве одного из верных «первых людей» своего брата абсолютно исключено.

Договор Ярослава Ярославича с Новгородом, в котором упомянут владелец Хотунич Кирилл, должен, видимо, датироваться не 1268-м, а 1270 г., но дело даже не в этом. Из послания следует, что Кирилл был не человеком князя, а новгородцем, более того, лицом, ставшим жертвой совершенной им несправедливости, интересы которого отстаивает Новгород (Янин 1991. С. 147–150).

С.К. Роуэлл связывает предполагаемую им датировку переговоров с соглашением Новгорода и Ганзы 1269 г. и считает, что в 1292 г. для таких переговоров не было причин. Однако никаких ссылок на договор 1269 г. в разбираемом источнике не содержится; нет в нем и упоминания каких-либо предусмотренных в договоре спорных ситуаций (ср.: ГВНП. С. 58–61. № 31). Одной из причин конфликтов между новгородцами и Ярославом Ярославичем действительно были противоречия, связанные как с юрисдикцией над Немецким двором, так и со статусом иноземцев в Новгороде вообще (ГВНП. С. 13. № 3; ПСРЛ. Т. 3. С. 319). Но в интересующем нас послании нет ни слова об этом: в нем речь идет исключительно об утраченном немцами имуществе и их претензиях по этому поводу. Еще Л.К. Гётц отмечал, что в 1288-м и 1292 г. немецкие купцы, согласно специальным записям, понесли серьезный ущерб в Новгородской и Псковской землях (НУВ. III. S. 424). Сам историк предложил связать посольство, отправленное в Новгород, с событиями, произошедшими там в 1291 г., когда «грабиша коромолницѣ торгъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 327), и в ходе этих беспорядков мог быть нанесен ущерб и немцам (Goetz 1922. S. 55–57). Все это гипотетические соображения, но как минимум не более шаткие, чем те, которые приводит С.К. Роуэлл.

Есть, однако, два решающих обстоятельства, которые убеждают нас в верности «традиционной» датировки и ошибочности построений С.К. Роуэлла.

В отчете послов имеется весьма примечательное и довольно сложное место: «*Dux respondit in hec verba: Vellem vos esse domi et regem hoc anno non venisse*». С.К. Роуэлл это место не комментирует. В переводе Г.М. Дашевского оно передано так: «Тысяцкий ответил такими словами: “Я хотел бы, чтобы вы оставались дома и к князю в этом году не приходили”» (Бассальго 2008. С. 66). Однако этот, внешне логичный, перевод — неточен. Перед *regem*

отсутствует предлог *ad*, поэтому вариант «к князю» невозможен. Конъектура тут была бы необоснованна, поскольку, во-первых, предлога нет во всех трех публикациях, сделанных с оригинала; во-вторых, как мы увидим, смысл фразы имеет и без нее. Кроме того, в обороте *accusativus cum infinitivo* при *verba voluntatis* (а по Г.М. Дашевскому, он вводится здесь глаголом *volo* — «хотеть») инфинитив может быть только настоящего времени (Соболевский 1998. §§ 1024, 1030. С. 301, 307). Здесь же стоит *venisse* — *perf. inf.* Если не прибегать к конъектурам, разного рода допущениям и предположениям, то это место следует понимать так: «Тысяцкий ответил такими словами: “Я бы хотел, чтобы вы оставались дома, и князь в этом году не приезжал”». В этой интерпретации *acc. s. inf.* зависит не от *vellem*, а от *respondit*, т.е. от *verbum declarandi*, и использование перфектного инфинитива после него сигнализирует о действии, предшествующем действию управляющего глагола (Соболевский 1998. § 1020. С. 300). Поэтому фразу, на наш взгляд, следует переводить так: «Тысяцкий ответил такими словами: “Я бы хотел, чтобы вы оставались дома”, и: “князь в этом году не приезжал...”».⁴ Это означает, что князя в течение того года, в котором состоялись переговоры, в Новгороде не было. Между тем совершенно определенно известно, что Ярослав Ярославич в 6778 г. от «сотворения мира», когда, по мысли С.К. Роуэлла, состоялись переговоры, в Новгороде присутствовал. В 1270 г. после примирения с Ярославом Ярославичем новгородцы «посадиша» его и «водиша и къ кресту» (ПСРЛ. Т. 3. С. 89), что должно было происходить, разумеется, в самом Новгороде.

С.К. Роуэлл, обсуждая в связи с датировкой послания дату смерти Довмонта, полностью игнорирует тот факт, что для «традиционной» датировки этот аргумент был второстепенным. Главным было наличие верительной грамоты готландских купцов послам немецких городов, отправлявшихся в Новгород, датирующейся 1 сентября 1291 г. (для начала 1270-х гг. таких документов нет). Послы, в соответствии с ней, должны были обсудить в Новгороде некие трудные дела (*negotia*), что, как было отмечено еще в XIX в. (HUB. Bd. I. S. 377), хорошо сочетается с содержанием интересующего нас послания.

Все сказанное убеждает нас в том, что датировка послания 1292 г. остается наиболее обоснованной.

⁴ Ср. близкое понимание: Клейненберг 1976. С. 125.

Переговоры велись с представителем князя Андреем (сам князь по имени не назван, но ясно, что это мог быть только второй сын Александра Невского Дмитрий, занимавший в 1292 г. владимирский и новгородский столы) и новгородскими представителями во главе с тысяцким (Клейненберг 1976. С. 120).

Что касается содержания источника, то оно весьма богато. Некоторые его аспекты уже были рассмотрены в работе одного из авторов (Лукин 2018), но другие, не менее значимые, еще остаются неизученными. Остановимся на тех из них, которые имеют отношение к внешним контактам Руси во всей их полноте — от лингвистических до политических.

2. *Cives Nogardenses* или *communes Nogardenses*?

О новгородском «политическом народе» в послании 1292 г.

Вызывает интерес терминология послания, правильное понимание которой влияет и на перевод, и на оценку разночтений в делавшихся с утраченного оригинала изданиях. Общность полноправных новгородцев (новгородский «политический народ») называется в нем просто — *Nogardenses* («новгородцы»). Они выслушивают вместе с князем доклад немецких послов, принимают решения на собраниях и т.д. Есть лишь одно исключение. В начале переговоров послы князя и новгородцев заявляют немцам, что они должны выслушать их посольство «и потом сообщить об этом господину князю...», а далее следует разночтение: один вариант, принятый в более позднем издании, — *communibus Nogardensibus*, второй (принятый ранее) — *civibus Nogardensibus*. На первый взгляд, предпочтительнее второй вариант. Он прозрачен — «новгородским горожанам». Однако ни в русских, ни в средненижне-немецких источниках такая формула в этом контексте неизвестна. Чтение *communibus Nogardensibus*, напротив, казалось бы, выглядит странно. Основное значение слова *communis* («общий») сюда явно не подходит. Формально подходит значение «обыкновенный, обыденный, заурядный, простой, убогий, ничтожный, низкий, благородный», имевшее в Средние века и социально-сословные коннотации (*Mediae latinitatis lexicon minus* 1976. P. 223). Однако такая интерпретация не соответствует контексту: непонятно, почему представители князя должны были отчитываться перед ним и перед простонародьем, игнорируя элитарные слои населения Новгорода. Логичнее видеть здесь кальку с немецких выражений, типа

mit den menen Nogarderen («со всеми новгородцами») из новгородско-ливонского договора 23 декабря 1323 г. (ГВНП. № 37. С. 65; о дате см.: Rowell 1994. P. 215. Fn. 49). Именно с калькированием связана, очевидно, и неловкость словосочетания, представляющего собой, таким образом, *lectio difficilior*, что свидетельствует о правильности именно этого варианта. Выясняется, что в послании 1292 г. встречается не только самое широкое обозначение новгородского «политического народа» — «новгородцы», но и более точное и как бы институционализированное — «все новгородцы», аналог известного с конца XII в. обозначения «весь Новгород» (см.: Лукин 2017 С. 137–143).⁵

3. Новгородцы и их смерды

Во время переговоров один из представителей князя Дмитрия Александровича заявил новгородскому старосте Семену: «При чем тут князь? У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами (*et ea cum smerdis vestris divisistis*). [Это] ваши смерды и поэтому по закону вы должны отвечать» (*Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere*) (Лукин 2018. С. 543). Это свидетельство практически не принималось во внимание при обсуждении спорного вопроса о статусе новгородских смердов. Между тем, если внимательно проанализировать его и сопоставить его с известными русскими данными, то можно попробовать с их помощью «актуализировать» давнюю дискуссию. Из приведенного фрагмента следует, что: а) смерды — люди второго сорта по сравнению с новгородцами (*Nogardenses*): они в некотором смысле принадлежат новгородцам (*smerdi vestri sunt*), а те отвечают за них перед князем; б) это не абсолютно бесправное население, не холопы, не «рабы фиска», поскольку вполне естественной для современников оказывается мысль о том, что полноправные новгородцы могут разделить с ними приобретенное имущество. Указание на одаривание смердов наряду с новгородцами есть уже в знаменитом известии НПЛ под 1016 г.: «...и нача [князь Ярослав] вое свое дѣлити: старостаъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новьгородьчемъ

⁵ По мнению И.Э. Клейненберга, *Nogardenses* документа 1292 г. — это в одних случаях «боярство всего Великого Новгорода», в других — «отдельная боярская группировка», которой подчинялись смерды, захватившие немецкие товары; как полагает автор, то были бояре Прусской улицы (Клейненберг 1976. С. 122). Эта интерпретация искусственна и не согласуется с данными самого источника.

по 10 всѣмъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 15). Здесь очень близкая ситуация (причем послание 1292 г. прямо подтверждает достоверность раннего летописного известия): смерды — воины, имеющие право на вознаграждение, но вдсятеро меньшее, чем новгородцы (последние в данном случае не сами наделяют смердов, это делает князь, — что вполне соответствует исторической ситуации). В известии НПЛ под 1193/4 г. о неудачном походе новгородцев на югру представлена как бы прямая речь смердов, обращенная к осадившим их новгородцам: «Копимъ сребро и соболи и ина узорчья, а не губите своихъ смърдь и своєї дани». Смерды — это люди (в данном случае иноязычное население периферии Новгородской земли), которые были подчинены новгородцам и обязаны были платить им дань. С другой стороны, выясняется, что у югры был свой князь, статус которого признается Новгородом (ПСРЛ. Т. 3. С. 40–41, 232–233). Не вызывает серьезных сомнений, что смерды были сельским населением и как минимум его очень значительной частью. В пользу этого свидетельствует целый ряд данных, в том числе, хотя и не относящиеся к Новгороду, но очень ясно говорящее о том, в каком контексте вспоминались смерды, если надо было их «вплести» в некую риторическую формулу. В 1223 г. во время вторжения Даниила и Василька Романовичей во владения князя Александра Всеволодича: «...поплено бысть около Белза и около Червена Даниломъ и Василкомъ... бояринъ боярина плѣнившю, смердь смерда, градъ града, якоже не остана ни единой вси плѣнени» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 739). Для Новгорода принципиальное значение имеет соположение в договорах с князьями еще с XIII в. смердов с купцами. Так, в договоре 1264 г. с владимирским великим князем Ярославом Ярославичем князю, княгине, его боярам и дворянам запрещается принимать закладников из новгородских волостей, «ни смерда, ни купцины» (ГВНП. № 2. С. 11). И смысл этого установления, и то обстоятельство, что в XII–XIII вв. купцами могли называть не только торговцев, но все торгово-ремесленное население (Флоря 2006. С. 68–69; Лукин 2018. С. 189–191), — подтверждения (наряду с другими данными) правильности интерпретации смердов как сельских жителей. При этом они должны были составлять как минимум очень значительную часть населения новгородской периферии. Ранее одним из авторов этих строк уже предлагалось видеть в русских смердах — на основе сопоставления со смердами западнославянскими — изначально некий аналог германских *литов* — сельского населения,

статус которого был существенно ниже, чем у свободных, но не являлся рабским. В древности они даже обладали правом участия в «племенных» собраниях (Лукин 2013. С. 183–188). Данные послания 1292 г., кажется, подтверждают это предположение. В конце XIII в. Новгород выглядит социумом, где политический народ («Новгород», «все новгородцы») управляет огромной периферией, жители которой (во всяком случае, значительная их часть) считается неполноправной даже в сословном отношении и обозначается соответствующим понятием — *смерды*.

4. Кто представлял князя на переговорах с немцами?

Как уже говорилось, имена княжеских представителей, которые вели переговоры с немцами, в литературе интерпретировались по-разному. Соответственно, предпринимались разные попытки их идентификации. Один из них (Довмонт) носил явно литовское имя, еще один (Константин) — христианское, а имена еще двоих можно интерпретировать и как балтские, и как христианские, бывавшие на Руси (Кирилл, Василий).

Начнем с наиболее бесспорного из них — Довмонта. Это типичное литовское двухкорневое личное имя (Daumantas), от *daug-* («много») и *-mantas* (ср. *mantus* «умелый, хитроумный»; *manta* «движимое») имущество») (Skardžius 1960. S. 146–150). Со времен первой публикации послания Довмонта обычно отождествляют с нальшанским князем, бежавшим во Псков после убийства Миндовга и княжившим там до 1299 г. Однако он — не единственный известный носитель этого имени. Так, в 1285 г. при нападении на тверские земли погиб литовский «великий князь» Довмонт (ПСРЛ. Т. I. Стб. 483; Dediała). В начале XV в. полоцким наместником был некий Домонт — судя по занимаемой должности, знатный литовский боярин (ПГ. Т. 1. С. 112; Т. 2. С. 57–58). В источниках XVI в. упоминается целый ряд крестьян и мелких бояр, носивших это имя или произведенный от него патроним (см., например: Lietuvos metrika. Кн. 523. 2006. Р. 54, 61, 63, 157; Mackavičius 2003. Р. 25, 28, 93, 192, 196; 1556 metų Upytės valsčiaus inventorius. Р. 185). Все это заставляет признать, что имя *Довмонт* было в Литве достаточно распространенным, как и многие другие подобные имена (такие как *Лугвень/Лингвень*, *Монивид*, *Радивил*, *Товтивил*, *Ягайло*), а носить его могли далеко не только князья (ср.: Petrauskas 2019. Р. 92–93).

Как уже говорилось, в *Суреле* и *Весцеле* С.К. Роуэлл видел *Кирилла* и *Василия*, которых пытался отождествить с влиятельными

новгородцами. Что касается первого из этих отождествлений, то можно было бы теоретически допустить, что немцы слышали имя *Кирилл* в возможной для Новгорода форме *Цюрило* и передали первый звук буквой *S* (хотя здесь уже заключена некоторая натяжка — ср. в том же тексте топоним *Gerceke*). Однако этому отождествлению препятствует следующее обстоятельство. В какой бы форме ни звучало это имя, непонятно, почему ударный звук «и» во втором слоге был передан в латинском тексте буквой «е». Соседство с Довмонтом позволяет предполагать, что за сочетанием букв *-ele* в обоих именах стоит литовский уменьшительный суффикс *-el-*. Корни обоих имен также можно обнаружить в балтских языках. Так, корень *sur-*, родственный прусскому *surgi* ‘около’, встречается во многих литовских именах — *Survila*, *Surminas* и др. (Trautmann 1974. S. 151; Salys 1983. P. 280; Zinkevičius 1977. P. 201; Zinkevičius 2007. P. 47, 54–55)⁶. Весьма вероятно, что в форме *Wescele* было записано имя **Vištelis*, происходящее от литов. *višta* ‘курица’ (ср.: Lietuvių pavardžių žodynas 1989. T. 2. P. 1238).

В этих людях благодаря определению *principes* иногда видят бояр (Г.М. Дашевский) или даже князей (Пашуто 1959. С. 385, примеч. 124; Варонін 2009. С. 38–40), тем более что иноземные по отношению к Литве источники именуют князьями многочисленных представителей верхушки литовского общества XIII в. (Saviščevas 2016, там же историография). Встречаются в литературе и попытки отождествления: Константина — с одноименным князем, княжившим в Витебске примерно в конце XIII в., а Суреле/Свееле или Весцеле — с неизвестным по имени князем-язычником (неофитом), который тогда же вокняжился в Полоцке (Пашуто 1959. С. 385; Варонін 2009. С. 38–40). Однако попытки эти чрезвычайно ненадежны, а главное, словосочетание *principes regis* допускает более общий перевод — «первые мужи князя» или «знать» (в широком смысле слова) (о последнем значении см.: *Mediae latinitatis lexicon minus* 1976. P. 850). Из контекста можно заключить, что они занимают высокое место в окружении новгородского князя

⁶ Ф.Г. Граутофф читал это имя как *Sweele*, что можно объяснить особенностями начертания имени в той разновидности канцелярского письма XIII в., которой был написан оригинал. Если принимать это чтение, то имя можно выводить из литовского *svilti* ‘подгорать, увядать’ (ср.: Lietuvių pavardžių žodynas 1989. T. 2. P. 868). Однако необходимо иметь в виду, что чтения этого издания, как правило, менее исправны по сравнению с последующими, в которых имя передавалось как *Surele*, что также находит аналогии в балтских языках.

Дмитрия Александровича, он доверяет им переговоры с немцами в деликатной ситуации, и они пытаются отстоять его интересы перед лицом новгородцев.

Сколь бы умозрительны ни были суждения о «первых мужах» Дмитрия Александровича при отсутствии сведений других источников о них, имеет смысл задаться вопросом: как в его окружении появились литовцы? Союзником Дмитрия был псковский князь Довмонт. Поскольку в Средние века существовал обычай, — известный, по-видимому, и в Литве, — согласно которому вассал называл сына именем сеньора (Mitterauer 1988; Petrauskas 2003. P. 188; Petrauskas 2019. P. 95–96), а во Пскове во второй половине XIII в. находились многочисленные литовцы, то можно полагать, что Довмонт, действовавший в Новгороде в 1292 г. (если верна эта традиционная датировка послания), попал туда из соседнего Пскова, но был не знаменитым князем, а сыном одного из его сподвижников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты источников публикуются по обычным правилам, принятым для передачи средневековых латинских текстов.

Текст верительной грамоты 1291 г. (№ 1) публикуется по подлиннику, при этом сокращения в тексте и дорсальной пометке XVIII в. раскрываются по правилам классической латыни без оговорок, а эмендация, вызванная пропуском титла, отмечена в примечании. Длина сторон листа указывается в сантиметрах по часовой стрелке, начиная с верхней стороны.

Текст послания 1292 г. (№ 2), поскольку его подлинник утрачен, воспроизводится по последнему изданию, выполненному по подлиннику (HUB) и более полному в сравнении с предшествующими изданиями, где пропущены некоторые слова. При этом по другим изданиям подводятся разночтения, которые касаются смысла текста, а также передачи одного из имен (*Dovmundus*), и несколько корректируется пунктуация. Не передаются разночтения, связанные с нормализацией текста по правилам классической латыни и с предпочтениями издателей относительно графики (*e — ae, ya — ia, -ci — -i, -ii — -ij, u — v; i — j*), поскольку это в большей или меньшей степени характерно для всех изданий. Написание числительных приводится по первому изданию, с тем отличием, что удлинённая единица на конце передается как I, а не как J.

Перевод обоих текстов выполнен П.В. Лукиным при участии С.В. Полехова.

1291 г. сентября 1. Висбю. — Верительная грамота общины купцов на Готланде представителям Любека, Висбю и Риги, отправляемым для переговоров в Новгород.

РГАДА. Ф. 1490 (Коллекция русских грамот ганзейского архива). Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1 (до 1945 г. — Archiv der Hansestadt Lübeck, Russland, Nr. 6). Пергамен, 26×12,2×25,6×14 + загиб высотой 1,8–1,4. Подлинник — А.

Внизу на пергаменной полоске, продетой сквозь горизонтальные прорезы в листе и загибе, привешена круглая печать из воска натурального цвета (Д = 6,7). В поле печати лилия, растущая из небольшого трехчастного холма, из которого по сторонам от нее растут стебли с цветками лилии, по одному стеблю слева и справа (скорее всего, символ Девы Марии). По окружности надпись: **SIGILL(UM) THEVTHONICO(RUM) GVTLA(N)DIA(M) FREQVENTANTIVM**. Публ.: Rörig 1940. S. 28–29, Taf. I, a; Friedland 1988. S. 57–64, Abb. 24; Elmers 2005. S. 420, Abb. 7 (репродукции и описания, здесь же прочая литература).

Пометки. На лицевой стороне в правом верхнем углу простым карандашом фолиация (после 1945 г.): 1. На обороте посередине листа чернилами, почерком И. Г. Дрейера (XVIII в.): *Credenciales mercatorum Gotlandiae et Wisby pro legatis Lubecam missis. 1291. Ad miscellanea. Выше и правее простым карандашом фолиация (после 1945 г.): 1^{об}. В левом верхнем углу простым карандашом, почерком XIX — начала XX в.: Ruthenica 6.*

Публ.: а) LübUB. Th. I. № 582. S. 527 (по А); б) LECUB. Bd. I. № 542. Sp. 676 (по А).

Per.: LECUB. Bd. I. Reg. 620. S. 158; HUB. Bd. I. № 1088. S. 375.

Omnibus praesentes litteras inspecturis sive audituris universitas mercatorum, terram Gotlandie gratia mercandi applicantium, honoris et rerum saluberrimum incrementum. Hinc est quod honorabiles viros, burgenses civitatum Lubicensis, Wisbyensis et Rygensis, praesentium exhibitores, pro variis negotiis nobis ac libertati nostre incumbentibus, Nogardiam duximus transmittendos; quibus voluntatem nostram tanquam veris et legitimis nuntiis plenarie commisimus, ratum habentes atque gratum, quicquid per dictos nuntios ex parte nostra ordinatum fuerit sive dictum. Supplicamus igitur universis, ad quoscumque praedictos nuntios cum nostris negotiis venire conti[n]gerit⁷, quatinus verbis ipsorum fidem adhibeant creditivam, ipsos quoque nuntios ac nostrum negotium benigniter recipiant et amice,

⁷ contigerit А, а, б

taliter in praemissis suam benevolentiam ostendentes, ut nostrum negotium praefatis nuntiis commissum breviter expediatur, prout nobis proficium fuerit et honestum. Datum Wisby anno Domini M^o CC^o LXXXX° primo, Egydii abbatis.

Перевод

Всем, кто увидит или услышит настоящую грамоту, сообщество купцов, находящихся на земле Готланда ради торговли, [желает] наибольшего процветания в почете и делах. Дело в том, что мы решили отправить в Новгород достопочтенных мужей, граждан городов Любека, Висбю и Риги, предъявителей настоящей [грамоты], для содействия решению разнообразных наших дел и ради нашей свободы. Мы им, как истинным и законным послам, полностью, с решимостью и радостью, доверили нашу волю, что бы ни было постановлено или сказано от нашего имени этими послами. Итак, мы просим всех, к кому могут прибыть послы с нашими делами, проявить полное доверие к их словам, а самих послов принять и к нашему делу отнестись любезно, таким образом проявляя свою благосклонность к ним, чтобы наше дело, порученное вышеуказанным послам, было быстро рассмотрено, дабы это принесло нам пользу и почет. Дано в Висбю в год от Рождества Христова 1291-й, [в день святого] аббата Эгидия.

2

[1292 г.] марта 26. Дерпт. — Посланники ганзейских городов сообщают о результате своей миссии в Новгород.

Stadtbibliothek zu Lübeck, Deeckes Lubicensiensammlung (Ms. hist. 2° 102,1). Пергамен. Подлинник — *A*.

Согласно первым изданиям, к XIX в. при послании сохранялись лишь пергаменные полоски, на которых к нему первоначально были привешены три печати; сами эти печати были оторваны. Место хранения подлинника в настоящее время неизвестно; по-видимому, он утрачен во время Второй мировой войны (ответ Городской библиотеки Любека на запросы от 12 октября 2016 г. и 30 января 2018 г., устная консультация Б. Луков в июле 2017 г.).

Основание предположительной датировки см. в статье.

Публ.: а) Sartorius 1830. Bd. II. № 83b. S. 163–166 (по списку проф. Граутоффа с *A*); б) LECUB. Bd. I. № 546. Sp. 682–685 (по *a*); в) LübUB. Th. III. № 44. S. 41–44 (по *A*); г) HUB. Bd. I. № 1093. S. 377–379 (по

списку проф. Мантельса с *A*); д) Памятники истории Великого Новгорода 1909. № V.5. С. 71–73 (по *б*); е) Лукин 2018. Прил. 1. С. 539–544 (по *з* с разночтениями по *а*).

Перевод: Бассальго 2008. Прил. 2. С. 65–67 (перевод Г. М. Дашевского, по *б*); Лукин 2018 (по *з*, с учетом разночтений по *а*).

Per.: LECUB. Bd. I. Reg. 625. S. 159–161.

Omnibus hoc scriptum visuris vel audituris nuncii civitatum, in Nogardiam ad regem et ad Nogardenses destinati, salutem in Domino.

Postquam legationem nostram a vestra discretione nobis commissam explevimus, deliberato consilio decrevimus conscribere responsa, que nobis facta fuerint⁸. Sciatis ergo⁹, quod dominus rex personaliter a nobis legationem audire nolebat, immo dominum Andream, suas vices habentem, cum aliis duobus melioribus suis ad nos misit. Insuper ex parte Nogardensium misit ad nos ducem Nogardye cum aliis duobus potioribus¹⁰. Hii sex ad nos in Gerceke¹¹ venientes in curiam regis dixerunt¹², quod rex tam ex sua, quam ex Nogardensium parte ipsos ad audiendam legationem misisset. Quos rogavimus, ut dignarentur ad dominum regem redire et ei subplicare, ut legationem nostram curaret audire personaliter cum eis, ad quos littere fuerant destinate. Ad quod iidem responderunt, se esse oculos, aures et os domini regis, et idcirco deberent nostram legationem audire ac deinde domino regi et communibus¹³ Nogardensibus hanc deferre. Quibus taliter respondimus: “Ex quo voluntas et desiderium domini regis in hoc esset, vellemus libenter legationem nostram proponere, que¹⁴ a civitatibus nobis commissa fuerat et injuncta”, et ex tunc partem negotii retulimus eisdem supplicantes, ut ad dominum regem hec¹⁵ deferrent et responsum super hujusmodi reportarent, et post hec¹⁶ plura ipsis vellemus referre. Ad quod¹⁷ dixerunt, quod totam legationis nostre summam deberent audire et postea domino regi ac¹⁸ Nogardensibus enarrare. Tunc quoque totam legationem nostram ipsis retulimus, rogantes, ut nichil omnium

⁸ sunt *a*; fuerunt *в*

⁹ igitur *a*

¹⁰ potencioribus *a*

¹¹ Cerceke *a*

¹² *в а пропуцено*

¹³ civibus *a*

¹⁴ quam (*исправлено на quae, que*) *a*; quem *б*

¹⁵ hoc *a*

¹⁶ posthac *a*

¹⁷ quos (*испр. на quod*) *a*

¹⁸ et *б*

obliviscerentur, sed domino regi ac Nogardensibus totaliter referrent et responsa talia reportarent¹⁹, apud que vellent manere, nec aliud quid agere, et ut ea nobis conscriberent et sigillis domini regis et Nogardensium consignarent, quod et hec possemus civitatibus, quae nos miserant, reportare. Iidem vero nos ad hospicium nostrum jusserunt accedere, dicentes se velle referre domino regi et Nogardensibus hec, ut et ipsi deliberantes et consiliis insidentes finale nobis responsum pro loco et tempore dare possent. Tunc siquidem dominus rex cum suis principibus et Nogardensibus per XIII dies in Gerceke²⁰ vacabat²¹ consiliis, quid nobis super legatione nostra²² commode responderet²³, et nos singulis hiis²⁴ XIII diebus de Nogardya perreximus Gerceke²⁵, supplicantes principibus, ut responsum nobis referrent, eo quod ad presentiam domini regis non permetteremur aliquatenus pervenire. Nec accepimus sic responsum, sed venit Symen, oldermannus Nogardensium, ferens litteram et dicens: “Hec est littera pacis, scripta inter magnum regem et Theutonicos et Nogardenses”. Ipsumque²⁶ rogavimus, ut nos juvaret, quod responsum nobis fieret, qui dixit: “Nogardenses convenerant et vestra negocia singulariter exposuerant et videntur ipsis vestre querimonie nil valere”. Nos ergo consulte deliberavimus, ut ad borchgravium²⁷ et ducem Nogardie cum quodam interprete veniremus, quibus supplicavimus²⁸, ut nos juvarent, quod responsum finaliter haberemus. Dux respondit in hec verba: “Vellem vos esse domi” et: “regem hoc anno non venisse, et cum hoc²⁹ omnibus Theutonicis fratribus inclino”. Cum a duce reverteremur, quatuor ex principibus regis obvios³⁰ habuimus, quorum unus Dovmundus³¹, alter Surele³², tercius Wezele, quartus Constantin. Hos rogavimus, ut nos juvarent, quod responsum nobis daretur super legationibus nostris. Qui dixerunt, quod sex vicibus fuerint ex parte domini regis ad Nogardenses et pecierint nobis

¹⁹ referrent *a*

²⁰ Cerceke *a*

²¹ vacabant *a*

²² legationem nostram *a*

²³ responderent *a*

²⁴ his *a*

²⁵ Cerceke *a*

²⁶ Ipsum quoque *a*

²⁷ borchgrauum *a*

²⁸ supplicavimus *a*

²⁹ *в а пропушено*

³⁰ obviam *a*

³¹ Doumundus *a, в*

³² Sweele *a*

dari responsum, sicut eciam³³ personaliter rex ipsis supplicuisset, et rex multum doleret, quod nollent respondere, cum ipsi teneantur de jure super hujusmodi respondere, utpote qui bona habebant, de quibus questio vertebatur. Item habito consilio perreximus cum interprete ad principes in Gerceke³⁴, interrogantes, si aliquid nobis vellent aliud, quia parati essemus ad iter, ubi eciam erat Symen, oldermannus Nogardensium. Cui dixit unus ex principibus, Wezcele nomine: “Symen, cur istos homines sine responso dimittis?” Respondit Symen: “Ecce littera justicie, quam scribi fecit dominus rex inter ipsum et nos et Theutonicos, dominus rex merito respondebit”. Iratus itaque Wezcelus sic ait: “Quid ad regem? Dominus rex bona illa non habet, vos Nogardenses bona illa habetis, et ea cum smerdis vestris divisistis. Smerdi vestri sunt et idcirco de jure tenemini respondere”. Item oldermanno et potioribus Theutonicis significavimus factum nostrum et totum facti processum, simul et responsum, qui dixerunt: “Secundum hujusmodi responsum consulimus, ut recedatis”, et ad hoc nos quantum poterant promoverunt³⁵. Quare petimus, quatinus³⁶ oldermanno et suis potioribus graciaram actiones referre curetis, quod nos favorabiliter tractaverunt, et sciatis, quod nichil volebamus sine eorum consilio attemptare. Nobis autem de Nogardia ad octo miliaria abcedentibus misit dominus rex unum de principibus suis cum quinque servis et interprete, cibum et potum et alia clenodia nobis mittens. Princeps ergo³⁷ ille dixit: “Habeo secreta ex parte domini regis referre, quae sine interprete loquar vobis. Dominus rex mandat vobis, quod sine responso de Nogardya recessistis, non est sua culpa. Insuper mandat, quod Nogardenses apud illas litteras volunt manere, que inter vos et ipsos sunt conscripte, et bona omnia, que sunt perdita, sub se habent. Innocens sum in bonis illis et volo fidem servare, super qua crucem sum osculatus, et quia sum mundus in osculatione crucis, idcirco misi post vos meum principem Cusemannum et volo esse absque peccato bonorum illorum. Item mandat rex, quod si viri estis, ipsis reddite, quod vobis fecerunt, et vicem rependite, ut bene potestis”. Nos igitur respondimus: “Deum et magnum regem rogare volumus, ut Nogardenses moneat tantam injuriam reficere, quia dominus rex hoc de iure vindicare tenetur, et bene quidem hoc facere potest ex regia majestate”.

³³ et *a*

³⁴ Gorceke *a, b*

³⁵ permoverunt (*исправлено на promoterunt*) *a*

³⁶ quatenus *a*

³⁷ vero *a*

Ad evidentem hujus noticiam presentem kartam nostris sigillis duximus consignandam. Datum in Tharbato, VII kalendas Aprilis.

Перевод

Всех тех, кто увидит или услышит эту грамоту, посланники городов, направленные в Новгород к князю и новгородцам, приветствуют в Господе.

После того, как мы исполнили по Вашей власти данное нам поручение, мы, обдумав решение, постановили записать данные нам ответы. Итак, знайте, что господин князь лично не захотел выслушать от нас посольство, но он послал к нам господина Андрея, выполняющего его поручение, с двумя своими лучшими [людьми]. Кроме того, со стороны новгородцев он послал к нам тысяцкого Новгорода с двумя другими могущественными [людьми]. Эти шестеро, прибыв к нам в Герцеке ко двору князя, сказали, что князь как со своей стороны, так и со стороны новгородцев отправил их для того, чтобы они выслушали посольство; мы их просили, чтобы они благоволили возвратиться к господину князю и молить его, дабы он соизволил лично выслушать наше посольство с теми, кому была направлена грамота. На это они ответили, что они — глаза, уши и уста господина князя, и поэтому они должны выслушать наше посольство и потом сообщить об этом господину князю и всем новгородцам³⁸. Мы им ответили так: «Поскольку воля и желание господина князя состоит в этом, мы охотно хотели бы изложить то, что было поручено и доверено [ганзейскими] городами нашему посольству»; и после этого мы изложили часть дела, умоляя их, чтобы они донесли это господину князю, и принесли бы ответ на это, и после этого мы были бы готовы им еще больше сообщить. На это они сказали, что они должны выслушать весь доклад нашего посольства и потом рассказать господину князю и новгородцам. Тогда же мы изложили им все порученное нашему посольству, попросив, чтобы они ничего из всего [этого] не забыли, но всё бы передали господину князю и новгородцам и доставили бы обратно такие ответы, которых те хотели бы твердо придерживаться и не поступать по-другому, и чтобы они это для нас записали и скрепили печатями господина князя и новгородцев, дабы мы могли и это передать городам, которые нас послали. Они же приказали нам идти на наш постоянный двор, говоря, что

³⁸ Чтение *a*: новгородским горожанам.

они хотят передать господину князю и новгородцам это, чтобы и они, обсудив и посовещавшись, смогли нам дать окончательный — на данный момент и в данных обстоятельствах — ответ. Тогда, поскольку господин князь со своими первыми [людьми] и новгородцами в течение 14 дней в Герцеке проводил совещания о том, что подобает ответить нам по поводу нашего посольства, то мы ежедневно в течение этих 14 дней отправлялись из Новгорода в Герцеке, моля первых [людей], чтобы они нам передали ответ, так как нам никак не разрешали прибыть к господину князю лично. Таким образом, мы не получили ответа, но пришел Семен, староста новгородцев, принес грамоту и сказал: «Это грамота о мире, составленная совместно великим князем, немцами и новгородцами». И мы его попросили поспособствовать нам, чтобы нам был дан ответ, он [же] сказал: «Новгородцы собрались и по очереди изложили ваши дела, и им ясно, что ваши жалобы не имеют никакой силы». Поэтому мы, тщательно обдумав, решили отправиться к посаднику и тысяцкому Новгорода с неким переводчиком, которых (посадника и тысяцкого. — *П. Л., С. П.*) мы умоляли поспособствовать нам, чтобы мы наконец получили ответ. Тысяцкий ответил такими словами: «Я бы хотел, чтобы вы оставались дома», и: «князь в этом году не приезжал, и на этом кланяюсь всем немецким братьям». Когда мы возвращались от тысяцкого, мы встретили на пути четырех из первых [людей] князя, из которых одного [звали] Довмонт, второго Суреле³⁹, третьего Весцеле, четвертого Константин. Мы их попросили поспособствовать нам получить ответ по поводу нашего посольства. Они сказали, что они шесть раз были от имени господина князя у новгородцев и просили дать нам ответ, да и князь лично их умолял, и князь очень страдает, что они не хотят отвечать, хотя они должны по праву на это ответить, так как имущество, о котором идет речь в жалобе, находится у них. Далее, посовещавшись, мы направились с переводчиком к первым [людям] в Герцеке, и спросили, хотят ли они [сказать] нам что-либо другое, так как мы были готовы отправиться в путь; и там был Семен, староста новгородцев. Ему сказал один из первых [людей] по имени Весцеле: «Семен, почему ты этих людей отпускаешь без ответа?» Семен ответил: «Вот грамота о [решении по] справедливости, которую приказал написать господин князь между ним, нами и немцами, господин

³⁹ Чтение *a*: Свееле.

князь должным образом и ответит». И вот, Весцеле, разгневавшись, сказал так: «При чем тут князь? У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами. [Это] ваши смерды, и поэтому по закону вы должны отвечать». Также старосте и немецким могущественным [людям] мы объявили о наших действиях и обо всем ходе дела, а вместе и об ответе; они сказали: «На основании этого ответа мы вам советуем вернуться», и к этому они нас, насколько могли, побуждали. Вследствие чего мы просим, чтобы вы позаботились воздать благодарность старосте и его могущественным [людям], так как они отнеслись к нам благосклонно, и знайте, что мы ничего не предпринимали без их совета. Когда мы удалились от Новгорода примерно на восемь миль, господин князь послал одного из своих первых [людей] с пятью слугами и переводчиком, отправив нам еду, питье, а также драгоценности. Первый же этот [муж] сказал: «Я должен сообщить секретную информацию от имени князя, которую я скажу без переводчика. Господин князь передает вам, что то, что вы возвратились из Новгорода без ответа, не его вина. Кроме того, передает, что новгородцы хотят держаться тех грамот, которые были составлены совместно вами и ими, а все пропавшее имущество находится у них. Я не виноват в отношении этого имущества и хочу соблюсти клятву, на которой я целовал крест, и, так как я чист по отношению [к соблюдению] крестоцелования, поэтому я послал за вами своего первого [мужа] Кузьму и хочу быть невиновным в этом имуществе. Также князь передал, что если вы — мужи, воздайте им самим тем, что они вам сделали, и оплатите им тем же, насколько сможете». Итак, мы ответили: «Мы хотим молить Бога и великого князя, чтобы он указал новгородцам исправить столь большую несправедливость, так как господин князь по закону должен за это наказать, и он вполне может это сделать благодаря княжескому достоинству».

В качестве ясного отчета об этом мы составили настоящую грамоту, скрепив ее нашими печатями. Дано в Дерпте, 26 марта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бассальго Л. А.* Новгородские тысяцкие. Часть 1 // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. [Вып.] 11 (21). С. 33–67.
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.

- Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 30–40.
- Донской Д. В.* Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008.
- Дубонис А.* Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV века). Овладение Полоцком и Новогрудком // Исторический вестник. М., 2014. Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. С. 54–85.
- Клейнберг И. Э.* О топониме Gersike в источниках XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Вып. 4. С. 120–127.
- Клейнберг И. Э.* Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262–1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 118–126.
- Лукин П. В.* Древнерусские смерды и саксонские литы: попытка нового обращения к старой теме // ВЕДС-XXV: Экономические основы формирования государства в древности и средневековье М., 2013. С. 183–188.
- Лукин П. В.* Обозначение «весь Новгород» и формирование новгородского «воображаемого сообщества» // ВЕДС-XXXIX: Античные и средневековые общности. М., 2017. С. 137–143.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
- Лукин П. В., Полехов С. В.* Латинское послание о новгородско-ганзейских переговорах 1292 г. и некоторые аспекты социально-политической истории Восточной Европы в конце XIII в. // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2018. С. 189–195.
- Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.
- Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб., 1998.
- Флоря Б. Н.* «Сотни» и «кушцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 66–79.
- Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. II.
- Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- 1556 metų Upytės valsčiaus inventorius / Par. A. Kaminskas. Vilnius, 2011.
- de Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. (Orientalia christiana. Vol. IX-1). Roma, 1927.
- Dediala R.* Apie nežinomąjį Daumantą [Электронный ресурс]. URL: <http://alkas.lt/2012/12/15/r-dediala-apie-nezinomaji-daumanta/> (Режим доступа: свободный; последнее обращение 15.02.2020).

- Dubonis A.* Daumantas: nuodėmė ir šventas gyvenimas // Naujasis Židinys — Aidai. 1994. № 5. P. 50–58.
- Elmers D.* Hansische Selbstdarstellung im Siegelbild // Das Gedächtnis der Hansestadt Lübeck. Festschrift für Antjekathrin Graßmann zum 65. Geburtstag / Hrg. von R. Hammel-Kiesow und M. Hundt. Lübeck, 2005. S. 413–425.
- Friedland K.* Gotland: Handelszentrum — Hanseursprung // Gotland. Tausend Jahre Kultur- und Wirtschaftsgeschichte im Ostseeraum / Bearb. von R. Bohn. (Kieler Historische Studien. Veröffentlichungen des Zentrums für Nordische Studien, II). Sigmaringen, 1988. Bd. 31. S. 57–64.
- Goetz L.K.* Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. V). Lübeck, 1922.
- Lietuvių pavardžių žodynas / Ats. red. A. Vanagas. Vilnius, 1989. T. 2.
- Lietuvos metrika. Knyga Nr. 523 (1528). Viešųjų reikalų knyga 1 / Par. A. Baliulis, A. Dubonis. Vilnius, 2006.
- Mackavičius A.* Žemaitijos valsčių surašymas. 1537–1538 m. / Par. K. Jablonskis. Vilnius, 2003.
- Mediae latinitatis lexicon minus* / Comp. J. F. Niermeyer. Leiden, 1976.
- Mitterauer M.* „Senioris sui nomine“. Zur Verbreitung von Fürstennamen durch das Lehenswesen // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1988. Bd. 96. S. 275–330.
- Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a. Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003.
- Petrauskas R.* Noble Names: Changes in Lithuanian Aristocratic Name-Giving during the Late Fourteenth and Fifteenth Centuries // Social and Cultural Relations in the Grand Duchy of Lithuania: Microhistories / Ed. by R. Butterwick and W. Pawlikowska. N.Y., L., 2019. P. 91–104.
- Rörig F.* Reichssymbolik auf Gotland. Heinrich der Löwe, „Kaufleute des Römischen Reichs“, Lübeck, Gotland und Riga // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 64. 1940. S. 1–67.
- Rowell S.C.* Between Lithuania and Rus’: Dovmont-Timofey of Pskov, his Life and Cult // Oxford Slavonic Papers. New series. 1992. Vol. XXV. P. 1–33.
- Rowell S.C.* Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe. 1295–1345. Cambridge, 1994.
- Salys A.* Mūsų lietuviškieji vardai // *Salys A.* Raštai. Roma, 1983. T. 2: Tikriniai vardai. P. 267–284. (1-е изд. — 1933.)
- Sartorius G.F.* Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse / Hrg. von J.M. Lappenberg. Hamburg, 1830. Bd. II.
- Saviščevas E.* Rikių šešėlis: kelios pastabos apie XIII a. — XIV a. pradžios baltų genčių aristokratiją ir jos likimą // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos atodangos. Prof. Mečislovo Jučo 90-mečio jubiliejui skirtas mokslinių straipsnių rinkinys / Sud. V. Dolinskas, R. Petrauskas, E. Rimša. Vilnius, 2016. P. 111–129.
- Skardžius P.* Lit. zweistämmige Personennamen mit *mant-* und *mantà* „bewegliche Habe“ // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1960. Bd. 29. №. 1. P. 146–150.

Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. 1. Aufl. 1925; 2. Aufl. Göttingen, 1974.

Verzeichnis der Handschriften historischen Inhaltes auf der Stadtbibliothek zu Lübeck // Stadtbibliothek Lübeck, Cat. man. 102.

Zinkevičius Z. Senosios Lietuvos valstybės vardynas. Vilnius, 2007.

Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. Vilniaus lietuvių asmenvardžiai XVII a. pradžioje. Vilnius, 1977.

Pavel V. Lukin, Sergey V. Polekhov

LATIN LETTER ON THE NEGOTIATIONS BETWEEN NOVGOROD AND THE HANSE IN 1292

The article focuses on the Hanseatic letter written in Latin in the late 13th century. Until now, it has been studied only partially, although it contains extremely valuable data on relations between Novgorod and the Hanse and the inner situation in Novgorod. The following issues are analyzed: the date of the text, which was contested in the 1990s; terms standing for the ‘political people’ of Novgorod (i.e. free townspeople enjoying full rights); the mention of *smerdy* (peasants of unclear status) in the letter; names of several members of the prince’s of Novgorod retinue, three of them being likely Lithuanian by origin. In two supplements the letter of 1292 and credentials of 1291 which may have been connected with the same negotiations and their translations from Latin into Russian are provided.

Keywords: Novgorod, the Hanse, medieval charters, the Grand Duchy of Lithuania

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-349-372